

УДК 124.5

ББК 87.2

А – 76

Аполлонов Иван Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии социально-гуманитарного факультета Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, ул. Димитрова, 133, кв. 24; т.: (961)5824512.

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ*

(рецензирована)

В статье рассматривается проблема соотношения индивидуального и социального начал идентичности личности, представляющих вертикальное и горизонтальное измерения Я человека. Эти измерения взаимосвязаны посредством самопонимания, выявляющего личностный горизонт ценностей в культурных нормах социума, с которым человек себя идентифицирует.

Ключевые слова: идентичность, Я, самопонимание, нормы, ценности, культура.

Apollonov Ivan Alexandrovich, Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of philosophy of Social and Humanities Faculty, the Kuban State Technological University, Krasnodar, 133 Dimitrov St., Apt. 24; t.: (961) 5824512.

PERSONAL IDENTITY IN SOCIO- CULTURAL CONTEXT

The article investigates the problem of balance of individual and social identities of personality of the vertical and horizontal measurements of SELF. These measurements are interrelated through self-understanding, exposing the personal property in the horizon of cultural norms of society, with which people identify themselves.

Keywords: identity, I, self, norms, values and culture.

На рубеже тысячелетий, в контексте все более ускоряющихся процессов изменений в различных областях жизни, проблема личностной идентичности становится актуальной как в философии, так и в широком круге гуманитарных дисциплин. Современное звучание данному термину придает Э. Эриксон, рассматривающий идентичность как основной атрибут жизненного пути человека, как переживание индивидом себя как целого, определив ее как длящееся внутреннее равенство с собой в непрерывности самопереживаний индивида [1]. Такое рассмотрение кажется странным – ведь подобное тождество, Я есть Я, вроде бы самоочевидно и опирается на фундаментальный для мышления закон тождества. Проблематизирует идентичность предполагаемая в ней соотнесенность, которая не сводится лишь к установлению однозначного соответствия себя реального с образом Я. Такое соответствие невозможно, так как отсутствует незыблемая окончательность этого Я. Поэтому самоотождественность связана с загадкой собственного «Я» и ставит человека перед проблемой меры себя, поиска собственных границ и координат жизнедеятельности [2]. При подобном рассмотрении идентичности обнаруживается проблема, которую можно обозначить как диалектику индивидуального и личностного начал человека. Логически данная проблема представляет собой субъектно-предикативные отношения в суждении, при которых примат идентификации отдаётся, соответственно, субъекту (Я есть), в котором усматривается принцип индивида, или предикатам, в которых раскрывается многообразие личностных свойств человека.

Примат индивидуальности сводит идентичность к уникальности отдельного человека. Это хорошо выявляет термин Дунса Скота *haecceitas* – этовость, означающий несводимость единичного существования к той или иной общей сущности. Индивидуум является только самим собой, и таковым является в силу принципа индивидуации, который от него логически неотличимым. Этот принцип представляет «окончательное обособляющее отличие, прежде всего отличие от остального» [3]. Индивидуум поэтому ставится выше вида, сущностно он более совершенен не только потому, что существует, но он персонально детерминирован, и в содержательном отношении шире всех возможных предикатов.

Данную идею развивают персоналистически настроенные мыслители противопоставляющие индивидуальную уникальность человека различным интересубъективным общностям, как физическим, так и идеальным. Показательна позиция К.А. Свасьяна, рассматривающего человека как самозамкнутую единичность: «Человек в нас есть ЕДИНИЧНОЕ. Можно сказать даже, чем единичнее, тем человечнее». Такая единичность алогична и принципиально не сводима к любого рода мыслительным обобщениям. Поэтому «биологически есть только одно понятие "человек" для всех людей, по типу одного же понятия "лев" для всех львов или "индюк" для всех индюков. В духовном отношении понятий "человек" столько же, сколько людей». [4] Отсюда мыслитель делает вывод о том, что возможность слияния множества отдельных Я в какие-либо общности возможно лишь ценой потери в себе всего человеческого.

Подобная позиция вызывает недоумение по поводу природы индивидуального Я. Оно не может быть предано человеку, поскольку носит надбиологический характер и вместе с тем не может быть присвоено, поскольку противостоит любым надсубъективным сущностям. Здесь Свасьян апеллирует к ощущению собственного тела, но в этом нельзя отказать ни львам, ни индюкам. С другой стороны, идентифицирует Я в его реальной телесности понятие «этого одного человека в чем он и есть человек». Но подобное понятие все же надсубъективно, поскольку, даже будучи единичным, в своем содержании оно опирается на предикаты, выражающие те или иные общности.

Таким образом, рассмотрение индивидуализации лишь в контексте обособляющего различия лишает индивида какого-либо положительного содержания. Поэтому, самотождественность лишь на уровне индивида не представляется возможной. Это уже показывает Платон, рассуждающий о природе единого. Взятое само по себе, оно не может быть соотнесено ни с чем иным, поэтому не может быть ни равным себе, ни неравным себе, ни быть в прошлом, настоящем и будущем, ни вообще быть [5]. Таким образом, индивид, взятый сам по себе, превращается в абстракцию, не имеющую места в реальной действительности, что противоречит рассмотренному выше очевидному факту о том, что реально существуют именно индивиды.

Разрешение данного парадокса возможно при рассмотрении другой стороны идентичности, представляющей собой личностное начало человека, которое, в противоположность индивиду, предполагает систему социальных связей и тем самым выходит за рамки индивидуального «это – я» к сущностной наполненности «я – это». Подобная сущность раскрывается в предикатах, выводящих индивида на уровень той или иной общности. И здесь парадоксальным образом существо «я» открывается в его причастности к «мы», то есть в его социальной природе. При этом социум предстает не статистической группой, а именно общностью, тем, что способно приобщить «я» к «мы» как к определенной целостности. Принцип такой общности как особой внебиологической программы человеческой жизнедеятельности представляет собой культуру, при вхождении в контекст которой исчезающее малое «я» вдруг становится ширяющимся «мое»: «мое тело», «моя душа», «мой народ», «мой мир», «мой Бог».

Таким образом, основание идентичности онтологично. Причем в ней парадоксальным образом сочетаются самые интимные глубины собственной индивидуальности, неповторимости с одной стороны, и интегрированность, даже отождествление себя с различными социокультурными структурами, с которыми человек обнаруживает сущностную связь, с другой. Данный парадокс позволяет выделить в идентичности индивида социальный и индивидуально-личностный аспекты, которые вслед за Ю. Хабермасом можно представить как два измерения: горизонтальное и вертикальное. Первое связано с формированием человека в разнообразных общественных группах; а второе направлено на личностную уникальность, неповторимость внутреннего мира и жизненного опыта [6].

Однако противопоставление групповой и индивидуальной идентичности не вполне правомерно. Скорее их можно рассматривать как два полюса самоидентификации личности. Ведь индивидуальные качества человека, невозможно категоризовать и осмыслить вне социокультурного контекста. И это справедливо вплоть до особенностей внешности, основания для оценки которой коренятся в интересубъективных представлениях о мужественности, женственности, красоте и привлекательности. И поскольку становление личности происходит в социокультурном пространстве, то вертикальное измерение можно рассматривать как вторичное по отношению к горизонтальными связям индивида.

Таким образом, основная смысловая ось идентичности представляет собой особенности взаимосвязи индивидуального и коллективного начал личности, которые можно условно обозначить как «Я» и «Мы». Условность такого разделения связана с тем, что «Мы», как и «Я», представляет собой личностную черту, утрата которой разрушает самоощущенность личности. В контексте идентичности эти начала представляют собой векторы в формировании и осмыслении уровня нормальности, определяющего горизонт жизни человека. Вектор «Я» – нормальность самоосуществления, а вектор «Мы» – нормальность в межличностных взаимоотношениях.

Социальная сторона идентичности поэтому не просто отдельное проявление какой-либо социальной группы, частный случай определенной типизации, а индивидуальная ее сторона не сводится лишь к комбинации отдельных фактов и дат биографии. Идентичность – это сопричастность человека с определенной культурой, в контексте которой происходит формирование личностного Я. Подобная сопричастность предполагает превращение определяющих горизонт идентичности интерсубъективных форм культуры в вертикаль субъективных структур, оформляющих уникальность содержания человеческого Я. При этом надсубъективные ценности, носителями которых являются общественные идеалы, получают личностное измерение, становятся персональными ценностями, определяющими значимость собственного Я. И этот уровень ценностей, в котором В.К. Шохин видит первые «энергии» личности как монадического субъекта, конституируют личностную идентичность, представляющую собой онтологический центр субъективного мира человека. [7, с. 79]

Г.Л. Тульчинский подчеркивает, что «Я» – единство переживаний, а переживания – это осознание неслучайности и связи, осмысленности пережитого, осознание своей роли, вины и ответственности. Достижение такого единства предполагает соотнесенность с Абсолютом, как основанием осмысленности жизни, что и позволяет связывать переживания и факты в единство биографии [8]. Абсолют, подобно Единому неоплатоников и Логосу Гераклита предполагает апофатическое, лежащее по ту сторону всего известного и проговариваемого, единство, и возможность эманации всего многообразия ценностного мира и гарант его целостности именно как мира.

Здесь горизонтальное и вертикальное измерения идентичности предстают как феноменологический и метафизический аспекты самопонимания личности. С первым связана сопричастность с культурой различных социальных общностей, за кого «держит себя» человек; со вторым факт самосознания Я как такового, вне зависимости от социального контекста, а посредством соотнесенности с Абсолютом, благодаря которому человек оказывается «при себе». Вне метафизического аспекта идентичность (как та или иная совокупность Я-образов и основанная на них «протеева идентичность» [9]) остается однобокой, стремящейся к релятивизму и фрагментированности. Однако, на наш взгляд, эти аспекты не противоположны, а взаимонеобходимы и представляют собой восхождение самосознания от профанного уровня обыденности к сакральному миру ценностей, определяющих подлинное Я. Такое восхождение и есть экзегеза, выявляющая в образцах культуры личностно значимые культуuroобразующие ценности; в нормальности сущего апофатическую сакральность должного.

Соответственно, идентичность можно представить как самопонимание, в контексте которого происходит поиск ценностей, определяющих, посредством соотнесения с нормативными образцами, «Я» человека. При этом освоение данных ценностей, позволяющее достичь превосходства в определенных жизненных практиках, выводит человека за рамки норм идентификационного социума, прорастая личностными чертами. Подобным образом определенный ряд профессиональных идентификаций, требующих полной включенности человека (художник, учитель, солдат, моряк, спортсмен и т.д.) выходят далеко за рамки этих профессий и определяют широкий спектр жизнедеятельности человека.

Таким образом, идентификация в контексте самосозидания личности не просто являет отдельные стороны ее бытия, и сумма идентичностей не есть их простое механическое соединение. Каждая из них являет человеку горизонт значимого, позволяющий ему осуществиться как Человеку. Органическое единство личности в многообразии ее идентификаций достигается именно через интериоризацию присущих данным идентификациям ценностей. Поиск этих ценностей в явленных нормах, их оправдание неотделимы от самопонимания, результат которого является и самосозиданием, и самоосмыслением себя как субъекта собственной жизни.

Литература:

1. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: «Речь», 2000. 416 с.
  2. Климова Т. Идентичность или «десятки проблем, не делимых друг от друга». URL: <http://antropotok.archipelag.ru> (дата обращения 23.10.08)
  3. Эко У. Эволюция средневековой эстетики. М.: Азбука-Классика, 2004. 288 с.
  4. Свасьян К.А. О конце истории философии. URL: [http://credonew.ru/content /view/507/30](http://credonew.ru/content/view/507/30) (дата обращения 16.06.09)
  5. Платон. Парменид: соч. в 4 т. Т 2. М.: «Мысль», 1994. С. 346–413.
  6. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Наука, 1995. 256 с.
  7. Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М.: Изд-во РУДН, 2006. 457 с.
  8. Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейя, 2002. 680 с.
  9. Труфанова Е.О. Идентичность и Я. // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 95–105
- * Работа выполнена в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы. Государственный контракт от 27.08.2009 г. № 1176.